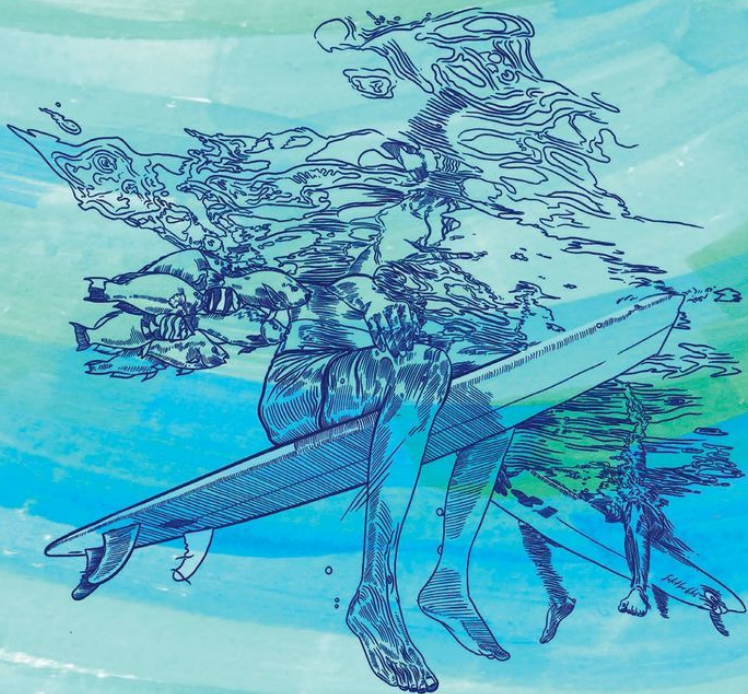

18+

Библиотека Замеховский-Мегалокарди

СЕРФИНГ

СВОБОДА БЫТЬ СОБОЙ

Никита Замеховский-Мегалокарди Серфинг. Свобода быть собой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70521730

ISBN 9785006268333

Аннотация

Сёрфинг дается всем, но нужно быть готовым к самостоятельности, ответственности, работе над собой, осмысленным действиям в непривычной среде и ситуации. Тогда с каждой новой волной человек ясно осознает, что стал на ступень выше и физически, и морально не только в океане, но и в жизни. Открытия, как и волны, у каждого свои: посмотреть в глаза страхам, избавиться от обид и злости, найти в океане себя настоящего. Эта книга-повод сформулировать свои самые важные вопросы и получить на них ответы.

Содержание

Предисловие	5
От автора	7
Первый сет.	9
Второй сет.	14
Методика I	23
Третий сет.	29
Четвертый сет.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Серфинг. Свобода быть собой

Никита Замеховский- Мегалокарди

Глеб Солнцев *Иллюстратор*

Диана Фаттяхова *Редактор*

Ольга Пирадова *Дизайнер обложки*

© Никита Замеховский-Мегалокарди, 2024

© Глеб Солнцев, иллюстрации, 2024

© Ольга Пирадова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-6833-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Главы представляют собой сет, в котором сменяют друг друга волны, люди, события и откровения. Поэтические рассказы о победах над волнами и над собой перемежаются чисто практической информацией – что такое лиш, как рождаются волны, как правильно ставить ноги на доску и куда при этом смотреть. Вместе две эти сплетающиеся линии прекрасно показывают, что сёрфинг – хотя и называл его Джек Лондон спортом богов и героев – открыт и доступен. Каждый может найти в нем свое место, поймать волну и испытать ту гамму чувств, которую может подарить только океан и активное общение с ним, независимо от возраста и уровня спортивной подготовки. Словом, книга эта о сёрфинге. И все же не только о нём.

За историями из жизни преподавателя сёрфинга и его учеников есть кое-что ещё. Двойное дно, секрет которого кроется в личности автора. Никита Замеховский-Мегалокарди – поэт и сёрфер. И философ – добавит каждый, кто знаком с ним и его текстами. Его истории, как и его уроки по всему свету, начинаются с того, как управлять своим телом, но приходят неизбежно к разговору о духе. И книга его – о том, что происходит с человеком на волне, не только в физическом, но и в метафизическом плане. Каждый, кто хоть раз оказывался на берегу океана, чувствовал перво-

зданную мощь водной стихии. Сколько её ни приручай – домашним котенком не станет. Но тем, кто находит с ней общий язык, многое дается. Открытия, как и волны, у каждого в сёрфинге свои. Один посмотрит в глаза страху, другой избавится от обид и злости, третий найдет среди волн себя.

У автора, прошедшего когда-то давно все этапы, теперь роль демиурга – он наблюдает, замечает, и тем, что увидел, – делится.

О сёрфинге ли эта книга? Или о том, как сёрфинг, в котором нет ни соревновательности, ни обязательной планки достижений, никакого мерила успеха, кроме собственных ощущений и эмоций, становится точкой осознания чего-то важного, что мало кто способен выразить словами? Впрочем, в рассказанных историях, как и в самом катании на доске, каждый увидит то, что захочет, – описание базовых элементов, которые могут стать первой ступенькой для тех, кто только собирается начать обучение; примеры первых падений и непременных последующих удач начинающих сёрферов; или не связанные ни с водой, ни с сёрфингом жизненные ситуации и повод сформулировать внутри себя важные вопросы, на которые древний мудрый океан, возможно, захочет дать ответы.

искусствовед, журналист **Ирина Осипова,**

От автора

Когда пишешь о других, все равно получается о себе. И эта книга обо мне, пусть в ней есть другие люди и волны других людей. Ведь часто эти волны были пойманы с моей помощью, потому я и пишу о них, как о своих. И люди, живущие на этих страницах, – тоже я, потому что они проживают часть своей судьбы в моей памяти. Хотя, конечно, многие из тех, с кем мы делим волны, узнают не меня, а себя. Какие-то персонажи – это конкретные люди и фигурируют под своими именами, какие-то – сотканы из моих впечатлений о нескольких людях, но, как бы там ни было, все они – настоящие. И если честно, втайне я надеюсь, что в этой книге каждый будет узнавать вовсе не себя, а свои волны.

Вся книга разделена на главы-сеты. Словно сеты волн, поднимались в моей памяти воспоминания, поэтому может показаться, что главы не связаны между собой, но это не так.

Как волны морей – из одних вод, так и волны воспоминаний – из одного пережитого.

Пережитого вместе с людьми. Пережитого в мгновениях. Это второе издание книги «Сёрфинг. Свобода быть собой». Не скрою, радостно, что твоя книга оказывается востребованной настолько, что её хотят читать и перечитывать. И чтобы сделать эту радость обоюдной, я решил добавить сюда новые главы. Жизнь ведь меняется, мы пополняем ощу-

щениями копилку памяти, а хорошими ощущениями и впечатлениями, я считаю, надо делиться. Так что ловите новую редакцию как волну, которая вроде бы и знакома, но сколько бы ни катался, всегда оказывается новой!

Первый сет.

Павел

Когда блики пляшут с непроглядным морем, этот танец света и воды кажется волшебством. На поверхности он яркий, быстрый, словно блики подскакивают в унисон неведомым тактам, и гудит ветер, и рокошет прибой, и шипит пена! Но вдруг ныряешь, открываешь глаза и наблюдаешь этот танец под водой... В которой медленно и тяжело движутся лучи, словно блики опустили в голубую толщу свои светлые, неожиданно мощные колени.

Эта толща – древний страх. Под её покровом рождаются легенды. В ней живут химеры, которым было начало, но не будет конца. Их писали рунами. Ими покрывали свитки, их высекали в камнях и несли из уст в уста. Передавали с поцелуями. Они древней любви.

Во Вьетнаме в две тысячи четвертом я седлал единорогов. Там тогда было много разных ребят. Учеников. Одни приезжали за ветром, другие за пляжем, третьи по пакету от турфирмы.

Они ездили на мопедах, сверкающих под косматым солнцем, как жуки. Почти все сначала удивлялись классическому сёрфингу, неожиданно – в моём лице – оказавшемуся в доступном для русского человека пространстве; потом, мгновенно,

венно сообразив, что это придает их поездке в «лето-воду-доски» дополнительную экзотичность, фотографировали на свои «зеркалки» себя с волнами и досками.

Одни шумели у прибоя, как у бортика манежа, другие заходили в этот «манеж», в котором будто строптивые коньки, приплясывали волны. И мало кто видел, что барьера, отделяющего их от манежа, нет, как нет и самого манежа, — за прибоем начинались просторы.

А я стоял, ввинчивая пятки в тёплый мелкий песок, напротив сёрф-станции «Кайт Пират». По морю бежала бронзовая рябь. Казалось, что море — древний дракон, расправивший крылья, что он дышит и его чешуи шевелятся, когда в его теле течёт вздох. Небо расплывалось закатом.

Уходящее в бледно-голубой шёлк солнце роняло капли своих лучей, и они растекались невероятными пятнами. Ветер стихал, коричневая, как корзина, круглая лодка лежала на песке, пахли цветки деревьев с холма. Их запах всегда ждал вечера и только в сумерках выходил на свой короткий хмельной променад.

Прибой начинал успокаиваться. Катил волны ровнее, в них попадали пологие длинные лучи, делая воду золотой.

Наконец прибой успокоился настолько, что некоторые волны до самого берега умудрялись пронести, не растеряв, на своей верхушке пенную гриву. Из этих волн и выскакивали единороги. Среди них хотелось быть.

Я среди них и был. Как только у меня появлялись «окна»

между занятиями виндсерфингом с новичками, я с огромной, похожей на старую черепаху учебной доской «малибу», влезал в их табун. Я цеплялся короткими гребками за их гривы, я хотел, чтоб они унесли меня, как и положено единорогам, на своих спинах в мечту. Но чаще они взбрыкивали у меня перед лицом жемчужными копытцами, больно хлестали по глазам пенными солеными хвостами, и я летел вниз, с их спин, в хаос пузырей, шипения и воды.

Но, пусть и мгновение, мечту впереди я видел! И то, что мечту можно не просто иметь в своем воображении, а видеть в реальном мире, вызывало желание ею поделиться.

Всем вокруг при любой возможности я говорил о сёрфинге, о своем Чёрном море и его волнах, о волнах коварного Азова. Все слушали, вежливо приподняв брови или невежливо посмеиваясь, а мне был нужен кто-то, кому я мог показать единорогов. И этот «кто-то» приехал во Вьетнам, в место, где нет пригодных волн (это мы с ним теперь уже понимаем), ко мне, учиться сёрфингу! Но тогда нам была безразлична пригодность волн, не о технике мы говорили и думали – о духе.

Звали того парня Павел, Паша.

Мы познакомились в послеобеденное время, когда тени удлиннялись, красиво ложась на песок, начинался отлив, и поэтому вода была прозрачно-зеленой.

Мне столько всего хотелось ему рассказать. О том, как кони из воды, света и воздуха, с рогом во лбу, несутся к бе-

регу табунами. Прямоком из холодной бретонской легенды. О том, что со спины такого коня берег видится совсем иным, а чтобы встать ему на спину, надо сначала его поймать – он ни останавливаться, ни ждать не станет! Что будет страшно...¹

И мы возились с доской до темноты на порыжевшем от заката песке, между чёрными тенями палм и белой пеной моря, а потом в эту пену заходили, и я, подталкивая Пашу по волне, кричал вслед:

– Ногу, ногу подтяни! Распрямись!

Он распрямлялся, оглядывался зачем-то назад, на меня, маленькая строптивая водяная лошадка, на спине которой он с трудом балансировал, взбрыкивала, и Паша летел плашмя в воду.

Я всплескивал руками, говорил протяжно и разочарованно:

– Э-э-э-эх... – и тут же получал в спину тугими копытцами неудержимых водяных коней.

Иногда злился на них, иногда на Пашу. А они, единороги, толкали меня в своем вечном беге вперед – просто стоять среди них было невозможно!

– Ну, я вроде тяну ногу... – отплёвываясь, говорил Паша, и мы всё начинали заново.

Снова он с волной скользил к берегу, прямо через пологий

¹ Одна из бретонских легенд гласит, что единорог это порождение волны, дошедшей свой гребень до берега, не разбившись в пену.

свет, летящий сквозь воздух и воду. Дотягивал ногу и вставал! Я готов был вновь заорать, но он не упал.

Он не упал тогда! Он проехал, хотя и без поворотов, всю ту строптивую волну, до берега, раскинув, как птица крылья, голые руки – на них лежали бронзовые огни огромного солнца.

На меня тогда снизошло странное чувство. Всё, о чем вопила моя душа, вдруг смолкло. Время растянулось, пока Паша скользил по волне, и я слышал лишь топот стада скачущих единорогов. Такая была тишина вокруг, и только этот топот, рокот волн...

Потом мы сидели на берегу. Стремительно темнело, как бывает только в тропиках. Тени растекались, и от этого берег, казалось, становился жидким, тогда как под последними лучами солнца море отвердевало гранями волн.

– Что-то страшновато... – неуверенно сказал Паша и усмехнулся тому, что его мечта оказалась страшной, хотя он катился на волне по колено. Я поднял руки, собираясь говорить с их помощью, пока не найду слов, но Паша меня перебил:

– Ну, в смысле это страшно как бы потому, что это по-другому, чем всё...

Второй сет. Света

Мы выехали в сёрф-трип: в машину, оклеенную эмблемами сёрф-брендов, собрали учеников, чья степень подготовки позволяла им встретиться с волнами, живущими иной, чем в Куте, жизнью, и выдвинулись.²

Бали волшебен... хотя нет, волшебство – это что-то другое. Этот остров необъясним. Он умеет говорить, но не стремится быть услышанным. В листве его деревьев шевелится вовсе не ветер – она полна духов, чьих имен нам, сюда приехавшим, не разгадать. Этот остров таинственен, и он протягивает руку всякому, по-разному проявляя свое участие в человеческой судьбе. Для нас он простирает ладони своих рифов в океан, и, споткнувшись о них, воды вставали светлыми валами нам навстречу.

Когда мы ехали тем утром, дымка плыла над крышами, как синий туман, и говорили птицы. Только птиц в машине не было слышно. Слышали мы только мотор, зачем-то музыку и самих себя. Я рассказывал о волнах то, что знал, а остальные – то, чего не знали. И даже если не произносили слова вслух, то внутри себя говорили безостановочно.

² Курортный городок на южном побережье острова Бали, где находится одноименный спот, подходящий для занятий с начинающими сर्फерами.

Ведь иметь внутри тишину сложно – мы постоянно обгоняем свою жизнь, вырываемся из своего сегодня и живем в завтра. А от этого в нашем сегодня образовывается пустота, и мы заполняем ее музыкой и диалогом с собой или с кем-то другим – бесконечным спором, замысловатым, но часто бессмысленным.

С нами ехала Света. Она была похожа на тугой ивовый прут. Гибкая, коротко стриженная, тонкая, резкая, она двигалась со свистом, в Куте пену ловила стремительно и четко, не менее стремительно отшивала бесконечно клеящихся к ней парней. Я про себя называл ее «Розга».

Остроумно отвечая разошедшимся парням, сверкая своими глазами, хохоча над другой нашей сёрфершей, опасавшейся, что там, на других волнах, может и не получиться проехать так, как в привычной Куте, Света говорила, что всё в наших руках, и демонстрировала бицепс.

Так мы и ехали. Водитель Маде, распространив по плечам черные, невероятно длинные волосы, сановно вращая руль, доставил нас к месту.

Здесь светлые пески Букита и Куты понемногу отступали перед черными песками, извергнутыми когда-то вулканом Агунг. Здесь белая пена, словно перо из крыла чайки, таяла на черно-сером пляже, выкатившись из голубого моря, в которое далеко за горизонтом падало голубое небо. И были волны. Не то чтобы большие, но и не совсем маленькие. Однако для уровня подготовки наших ребят я оценил волны

как средние – и по размеру, и по сложности.^{3 4}

Мы выгрузились. Пока я вместе с Маде отвязывал и снимал с крыши микроавтобуса доски, а кто-то, завернувшись в полотенце, неловко менял шорты, Света успела осмотреться, предвосхитить ответом чей-то вопрос и энергично покрывала мускулистые ноги кремом от солнца.

Вторая наша спутница, с тревогой озираясь и теребя полотенце, спросила меня:

– А здесь глубоко?

И я в который уже раз за это утро принялся объяснять, что довольно глубоко, и в этом есть преимущества. На что девушка просто схватила ртом воздух, а Света, дернув непроизвольно бровью, быстро распрямила спину и презрительно, как мне показалось, сжала губы.

Только-только начинало припекать солнце. В многочисленных варунгах загадочно шевелилась жизнь. Темный песок уже был горяч. Мы разложили на нем доски, и один из парней после того, как я закончил инструктаж, похохатывая, пропел: «А над нами километры воды...»⁵

И был почти прав, ошибся только в восприятии плоскостей. Километры были не над нами, а перед нами.

Я привык к огромной воде. Я вижу её всю свою жизнь практически ежедневно, но всякий раз меня ошеломляют её

³ Полуостров на юге Бали, славящийся своими белоснежными пляжами.

⁴ Один из вулканов Бали.

⁵ Индонезийская традиционная харчевня.

голубые бескрайние равнины, и я не знаю, кого за них благодарить, но точно знаю, что благодарить нужно!

В тот день по водной равнине, далеко от берега, скользили сероватые подвижные облака, а ветер легко и высоко бежал на северо-запад, слегка продавливая воду, от чего на ней проявлялась синеватая рябь. Ветру я кивнул, мы с ним уже были знакомы. Не то чтобы дружили, но играли иногда в парусные игры.

В песок бились волны. Катились издалека белыми рулонами, и нам предстояло проплыть сквозь их рыхлую пену туда, где они были еще упруги, как тела. Наконец мы забежали с досками в океан. Кого-то я подбодрил словом, кого-то подтолкнул рукою – все вышли из жесткой прибойной зоны и довольно бодро погребли от берега.

Света была в авангарде, её обогнал только атлетичный парень из нашей группы. Я нагнал их и попросил сесть на доски. Следом подгребли остальные.

Берег был черным, зеленым и оранжевым. Вокруг колыбалась вода. Наконец мы все расселись. Отдохнули. Присмотрелись к берегу, к океану, по-новому взглянули друг на друга – ведь часто человек на волне оказывается совсем не тем, за кого ты его принимал на берегу, и принялись поджидать подходящую волну, которая не замедлила появиться.

Она вырастала из океана не быстро – океану торопиться некуда, – но плавно, занимая пространство вокруг, а в нашем восприятии так же плавно, но неуклонно росла её сила.

Я не помню, кто тогда из парней оказался ближе всего ко мне, я помог развернуть ему доску и прокричал чуть ли не в ухо:

– Гребь, гребь!

И он погреб в сторону берега, разгоняясь что есть сил.

Лодка ощущает дрожь воды, когда ветер внезапно бросает её под днище жменю ряби, но как описать не дрожь, а движение, исполинское движение даже небольшой волны?!

Я разгонялся с парнем вместе, был рядом, чтобы помочь, если вдруг ему не хватит сил или умений оттолкнуться от сверкающей стены и ухнуть по её склону вниз.

Мы неслись сквозь свет, он падал сверху, он бил снизу твердым блеском, потому что его отражала твердая от скорости вода, мы гребли сквозь брызги, и они хохотали нам в лицо – маленькие бело-голубые, насмешливые и крепкие! И вот наконец, после напряжения, после ощущения внутри горячего сердца и легких, трудно двинувших в себе поток крови и воздуха, пучина начала разверзаться перед нами, и доска скользнула в неё.

– Вставай, вставай! – опять кричал я, и он начал подниматься, а я краем глаза увидел, что метрах в десяти справа, разогнавшись, на эту же волну встает Света.

Грохот воды отвлек мое внимание; тот, кому я помогал, тянул за собой, как шлейф, пенный след и, балансируя, мчался вбок и вниз, а Свету я видеть перестал. А потому погреб к точке, с которой она рухнула вниз. Остальные готовились

взять следующую, гораздо меньшую волну. Кругом шипела пена.

Света появилась метров на двадцать ниже точки падения. Сперва выскочила на поверхность плавниками наверх ее доска, затем вынырнула и она сама.

– Переверни доску, переверни доску! Держись за нее, просто держись, – кричал я, гребя изо всех сил. Она оглянулась в мою сторону. Похоже, не видела меня, не понимала, что я говорю. Я был рядом, уже совсем близко, чтобы разглядеть, как со дна её синих глаз поднимается белый страх.

И пришла следующая волна. Я успел схватить Свету за руку, отбросил свою доску в сторону, и нас накрыло.

Когда шум силен, его ничего не отличает от тишины. В нем так же неразличимы отдельные голоса мира. Возможно, ревом был полон вселенский хаос перед тем, как вылиться в порядок мироздания.

Упавшая на нас волна не была огромной, она не была даже большой, но сейчас со Светой мы мерили волны не в метрах – измеряли её страхом.

Для меня с приходом волны ничего не изменилось, привычно я поднырнул под гребень, и меня засыпало ярко-белым пеплом пены. Для Светы же пена была словно пепел жизни. Она сжала мою ладонь. Отчаянно пыталась всплыть на поверхность, схватить воздуха. Но пузыристая рыхлая пена не позволяла оттолкнуться, и от этого таяли силы, и испуг почти превратился в ужас.

Под водой, в обрушившейся волне, пузыри живут стаями, они мечутся и шипят, натыкаясь друг на друга. Они льнут к вам роем, забираются в глаза и нос, в уши!

Их легко прогнать – они боятся спокойствия и неторопливости. Они живут мгновенную свою жизнь взбалмошно, её суть – в суете, но стоит перестать идти у их мельтешения на поводу, как они отстают напрочь. И еще они боятся череды коротких выдохов прямо в воду. Воздух отгоняет их ото рта и носа, они шарахаются в стороны или попросту тают.

Но разве пузыри докучали Свете, как туча насекомых?

Нет. Исполин поднял её безжалостной синей ладонью и окунул в самую сердцевину своего бирюзового тела. И не отпускал.

Сжимал, выдавливал вдох и трепал из стороны в сторону, словно хотел смешать с водой. И как равнодушно смотрело на все происходящее огромное, теплое, такое родное, такое дорогое солнце! А исполин все не отпускал, а воздух и этому солнцу было безразлично, что сейчас перестанет быть еще одно «я»...

Мы добрались до берега вместе, на темный песок я положил Светину доску, пристроил рядом свою, а Света села, обхватив колени и уткнувшись в них лицом. Перед нами, шириной в обзор, переливал океан волнами свою мощь и с волн катились наши ребята.

Света вздрагивала и вдруг явственно всхлипнула. Словно какая-то горечь, более едкая, чем океанская соль, жгла её

горло.

– Я не... не могу-у-у, – заикаясь, выговорила она. – Я... мне страшно. Страшно... – едва слышно прошептала она бледными губами и отвернулась.

И, пожалуй, именно тогда еще одно «я» действительно умерло.

Но спустя несколько дней, когда Света сама взяла доску и выгребла в океан в Куте, а я сидел в тени кустов у посаженной мной пальмы, выслушивая трескотню местного владельца четырех зонтов и восьми шезлонгов, родилось новое «я». Света каталась. С опаской, потихоньку, но гребла, и волна брала её в свою ладонь.

Учить сёрфингу – все равно что сажать деревья. Опускаешь саженец в почву и гадаешь – примется или нет, съедят подземные таракашки его слабые корни или нет... И так здорово, когда из жесткой коры на веточке вдруг появляется почка.

Но что оно такое – «я»? Совокупность чего? Крови и органов? Амбиций? Мыслей и эмоций? Какая-то малопонятная аура, о которой так много трещат как бы просветлённые?

Мне кажется, далеко не все сумели ответить на вопрос о том, что же такое их собственное «я», но стремятся объяснять тайны мироздания, хотя оно, мироздание, именно с «я» и начинается.

Утро начинается с луча, с птичьей трели, которую мимо-летом птица вылила в запутанное пространство между веток,

потому что не петь она не может. С шороха волны, который становится явственнее с рассветом, оттого что купно со звуком теперь вторгается в меня ещё и ставшее видимым движение вод. И я начинаюсь с совокупности слышимого и видимого, а ещё я знаю, как океан пахнет, и чувствую на коже его кипучую соль.

Я – многочисленность моего мира, и мой мир – многочисленность таких вот «я».

Методика I

В эту книгу среди глав-сетов вплетена моя методика, то, что я рассказываю на своих уроках. И эти уроки – не передача чьих-то заученных правил; я передаю свои переживания, которые копились более двадцати пяти лет – с 1994 года.

Для чего, казалось бы, на своем первом занятии по серфингу узнавать, преодолевая желание броситься в прибой, теоретические премудрости возникновения волн, их типы и прочее, вместо того чтобы наслаждаться соперничеством с доской?

Ответ очевиден инструктору, который работает не ради продажи ощущений, но для передачи знаний: чтобы свести соперничество ученика с доской и океаном до минимума, оставив ему как можно больше времени на работу над собой. И вовсе не претендует при этом инструктор на роль гуру или оракула, потому что сёрфинг – это работа над собой, и в какой бы плоскости она ни проходила, физической или моральной, инструктор только посредник.

Почему человек на доске вдруг начинает катиться в прибой? Обычно начинающий сёрфер наивно полагает, что волна, подхватив, понесет его вместе с доской сквозь свежесть прибоя и ему останется только встать, эффектно расправив руки.

Это один из мифов, которые на первом занятии инструктор

тор заменяет реальностью. Волна как физическое явление не переносит массу. Хотя пена (обрушившаяся волна, катящаяся к берегу), которая поначалу заменяет новичку настоящую волну, безусловно, подталкивает, облегчая первые сёрф-шаги. Но поскольку пена – это промежуточная, быстро проходящая стадия жизни волны, то особого внимания во время чтения теории ей не уделяют.

На самом же деле на передней стенке волны, то есть на той её части, которую мы наблюдаем с берега, в определенный момент возникает угол, достаточный для скольжения вниз. И вот там-то мы должны оказаться, волну поймать и только потом встать на доску. Встать потому, что у нас сёрфинг стоячий, мы такой выбрали, в отличие от бодибордеров, катающихся на специальных досках лежа, ниибордеров, катающихся на специальных досках на коленях, или бодисерферов, предпочитающих кататься без досок вообще и использующих в качестве скользящей поверхности своё тело.

То есть волна – это горка, подобная тем, с которых каждый из нас скатывался когда-то на санках. Но кое-что всё же водяную гору от тех, привычных нам горок из детства, отличает.

Прежде всего это подвижность. Волна движется вперёд и меняет конфигурацию. Это начинающий сёрфер может предположить, но часто упускает из виду второй фактор: прибойная волна берется словно ниоткуда – океан ведь за-

частую за линией прибоя кажется совершенно гладким – и словно в никуда исчезает, будто растаивая после обрушения в пену.

А сёрферу не просто необходимо знать, что делать со своей доской в условиях движущейся и постоянно меняющейся конфигурацию поверхности, но и понимать, откуда волна берется и куда девается, поскольку сёрфинг – это прежде всего умение взаимодействовать с прибоем, а не только умение с него катиться.

Волны бывают разные: сейсмические, они же цунами; барические – волны, возникшие в результате возмущения атмосферного давления; приливные – волны, возникшие в результате приливо-отливной разницы; и ветровые.

К счастью, цунами возникают довольно редко, прокатиться на них можно, но только один раз, поэтому их, как и барические волны, в аспекте сёрфинга не рассматривают.

Приливные волны рассматриваются постольку-поскольку, так как существует совсем немного мест в мире, где они пригодны для катания. А вот ветровые волны следует рассмотреть подробно: именно на них, отголосках дальнего шторма, именуемых в дальнейшем свелл, и катается армия сёрферов всего мира.

Несмотря на то что ветер рождает волны, сёрферы предпочитают кататься при его отсутствии, так как он зачастую нарушает форму и гладкость «передней стенки» прибоя.

В Мировом океане существует ряд областей, где ветровые шторма постоянны. То затухая, то возобновляя свою активность, они распространяют от эпицентра к краям свою энергию, возмущая поверхность воды, и от этого, как от камня, брошенного в воду, расходятся круги, расходятся волны. Однако прокатиться на такой зыбине далеко в океане невозможно. Выйдя за пределы действия шторма, она растягивается, становится глаже, превращается в едва заметный, мерно катящийся к берегу свою силу пологий вал. Но у берега вдруг начинает вырастать, набирая крутизну и скорость. Это происходит оттого, что волна приходит во взаимодействие с дном.

Когда Бог создал мир, он, будучи причиной всем следствиям, предполагал, что люди, бродящие по берегу среди деревьев, когда-нибудь свалят дерево в прибой и попытаются его там оседлать, создав сёрфинг, и придал дну у разных берегов разный характер. И с тех пор сёрферы разделяют прибойные волны на несколько четких типов, позволяющих им разнообразить и без того яркую палитру сёрф-ощущений.

Прежде всего, это так называемый бич-брейк (от англ. beach break – волна, разбивающаяся о песчаное дно) – волна, встающая над плавно уходящим в глубину дном, как правило, состоящим из песка или гальки. Такая волна встает постепенно, позволяет уследить за собой даже новичку с небольшим визуальным опытом, и в этом её безусловный плюс. Однако это не означает, что она маленькая, она

может быть и большой. А минус её заключается в том, что, несмотря на последовательное формирование и носительную «мягкость» (медленную скорость обрушения, а значит – небольшую силу), она встает довольно хаотично, поскольку дно, ее создающее, нестабильно.

В этом её отличие от риф-брейка (от англ. reef break – волна, которая разбивается о коралловый риф или каменное дно) – волны, поднимающейся над жестким коралловым или каменным дном, которое формирует прибой четко в одном месте с учетом единого направления волн, что позволяет с большой вероятностью определить точку формирования волны, но исключает её «мягкость» и зачастую создает так называемую трубу, в которой искушенные сёрферы успевают проехать.

Еще одна причина возникновения волны, подходящей для сёрфинга, – некая выступающая точка берега – мыс, оконечность близлежащего острова, – огибая его, волна формирует угол, достаточный для катания. Такая волна называется поинт-брейк (от англ. point break – волна, разбивающаяся о скалу).

Целесообразность получения подобных знаний на первом занятии очевидна. Имея представление о внешнем характере волны, можно предположить, что представляет собой дно, выяснить примерную силу волны и, соответственно, её пригодность для уровня катания конкретного человека. Ведь всякий инструктор, сколь бы ни был талантлив его

ученик, отдает себе отчет в том, что за четыре, да и за четырнадцать занятий никаким «трубным» сёрфером тому не стать, и лелеет надежду, что из отпуска неофит вернется как минимум невредимым.

А потому, стремясь к безопасности, учит не только технике скольжения, но и самостоятельности на воде, ответственности перед собой за принятые в океане решения. А это среди прочего подразумевает знание особенностей прибоя.

Море любит уверенных в себе, но самоуверенных не прощает.

А уверенность в себе – это, безусловно, не только вера в свои силы, но и знание предмета, к которому мы силы собираемся приложить. Помочь человеку «читать» прибой – не менее важная задача, чем научить его ехать на доске. С этого начинается безопасность и приходит ощущение комфорта в океане, а также развеивается миф о том, что катаемся мы на доске: на самом деле катаемся мы на волнах.

Третий сет.

Лена

В тени беседки, под её светлыми соломенными сводами, на коричневом полу я занимался «вставанием» – то есть показывал и объяснял, как вставать на доску некой Елене.

Вне спасительного тенька солнце заливало безжалостным светом траву, голубым искрил бассейн, и теплый, тяжелый, как мед, воздух, покряхтывая, вращал над нашими головами старенький вентилятор.

День уже перевалил за свою середину, начал откатываться к отливу океан, и песок накалился, как лист жести, на котором я в детстве с пацанами пек лиловых мидий на Черном море.

Одни только бабочки с упоением порхали в зное, а розоватые восковые цветки франджипани ровно таяли в жаре. Я был слегка утомлен, как и эти цветы под солнцем.

– Я приподнимаюсь на руках, – комментировала свои действия Лена, – затем тяну «заднюю» ногу...

– Стоп, – обрывал ее я. – Не торопись, не выворачивай плечи и смотри вперед.

Она кивала, и вместе, на счет «раз-два-три», мы проделывали это уже в который раз.

От стойки регистрации отеля «Бали Бунгало» доносились

кропотливые перестуки гамелана, которые, словно лентой, звуком переплетала флейта. ⁶

И снова «раз-два-три» – мы приподнимались на руках, тянули ногу и выставляли другую под грудь.

«Ну! Что же не идешь-то ты?! – разговаривала со своей ногой Лена.

Толстая оса, жужжа, забралась в тень навеса, покружилась у моей головы и улетела в зной.

– Пойдем-ка мы с тобой к океану, – сказал я Лене. – В процессе у тебя получится гораздо лучше, чем тут, на коврике.

И, взяв зелёную доску «восьмерку», мы пошли. Мимо стеклянной стены кафе, в которую любят, как в зеркало, смотреться все проходящие, мимо сверкающих мопедов. Посторонились, пропустив машину, перебежали душную дорожку и оказались на сверкающем пляже.

Океан, как всегда, танцевал с жарой, сегодня они качались в бело-синем танго. Жарко и тяжело шевелились толстые листья корявых, посеченных солёными ветрами деревьев, важно и размеренно шевелились волны.

Лена пристегнула лиш, и мы зашли в воду.

У нас не было задачи покорить так называемую стенку. Нам не нужно было учиться ждать, отличать среди цветового единообразия воды и неба ту самую складку, с которой мы скользнули бы к берегу.

Пока нам предстояло ощутить движение воды под доской.

⁶ Национальный балийский ударный инструмент, по типу ксилофона.

Прочувствовать, что произойдет в тот момент, когда, подтянув ноги, отпускаешь руки и начинаешь подниматься с колен. Когда тебе навстречу текут свет и воздух, свет и вода, и ты вбираешь в себя их полностью, глазами, грудью! Когда желтый горячий берег и белое крошево звонкой пены становятся одной зыбкой линией, потому что ты своим присутствием между водой и воздухом, волной и берегом объединил сушу и океан.

Таким полубогом быть нетрудно, надо всего-то соединить землю с водой и свет со мглой глубин. Задача проста – когда знаешь, что такое ты сам.

Лена шлепалась в воду. Предчувствуя падение, затыкала нос и плюхалась с доски животом.

Сокрушенно глядя на меня, отработанным, немного кокетливым движением поправляла выющиеся волосы и, перекакивая пену, возвращалась ко мне. Я отчаянно жестикулировал, показывая, в чем была ошибка. Мы пробовали еще раз. Наконец, после одной из более- менее удачных попыток, мы вышли на песок отдохнуть.

Я говорил, что следует думать не о том, как вставать, а о том, как ехать, и ждать не падения, готовясь в любое мгновение зажать нос, а скольжения, быть готовым к нему. Лена кивала. Поправляла волосы.

Очевидно было, что ей всё понятно, все свои ошибки она осознаёт, но... не может исправить.

– Моё тело... – говорила она, выводя обломком ракушки

на песке замысловатый узор, – оно меня не слушает. Я ему одно, оно мне другое. Оно вообще... Болеет, когда хочет. Я с ним и так и сяк – спортзал, фитнес, бассейн, сноуборд. Оно, знаешь, и на сноуборде подвело... Лечу с горы! Ну, как «лечу» – горка-то для чайников, но мне казалось, что лечу, с горы... Понимаю, что надо остановиться, знаю как, а оно меня не слушает!

– Оно, в смысле «тело»? – уточнил я.

– Ну да! Я же понимаю всё, ты хорошо объяснил. И про взгляд, и про «вставание», логично всё, а оно не принимает, видимо, логику!

– Тело?

– Ну да... Как-то так...

– То есть ты и твоё тело – это как бы разное... разная... э-э-э... штука, э-э-э... штуки? – Не сумев найти точной формулировки, я помог себе руками, вначале сомкнув ладони, а потом разведя их в стороны.

– Ну как бы нет, но да, – уткнулась в свой узор Лена и замолчала.

Я замолчал тоже, потом посмотрел в океан, где местный коричневатый, как деревяшка, пацаненок рывками обрабатывал волну, почесал щёку и спросил:

– Я сейчас с тобой разговариваю?

– Со мной, – согласилась Лена.

– А можно как-то с обоими сразу поговорить?

– Ну чего ты?

Я не ответил, но крепко ущипнул ее за руку.

– Ну ты чего?!

– Ничего, я с рукой сейчас общаюсь.

– Да ну тебя! Как дурачок, – сказала она, выкинула ракушку и улыбнулась.

– Я? – переспросил я и тоже улыбнулся.

Справа от нас мускулистый спасатель с энтузиазмом впихивал в песок красный тревожный флажок, отмечающий, насколько сегодня океан отошел в своем ежедневном отливе. За ним наблюдали два карапуза, густо обмазанные кремом от загара.

Когда-то мы тоже были маленькими, а когда-то нас не было – были наши родители, вели свои разговоры под свою музыку. А ещё раньше не было и их, но были их родители, и ещё раньше, когда не было вообще никаких родителей, были зеленый мир и этот синий океан, чью границу с важным видом сегодня отмечал спасатель.

И этот самый мир из себя соткал рыб, птиц, гибких зверей и человека. И человек лепил потомство, лелея в нём свое будущее, в котором его жизнь была ограничена всего сотней лет. И я – это потомство. Душой от мира, плотью, через родителей, от него же, и «я» – одно целое двух его половин.

Я люблю своих родителей, я их частица, и отделить свое «я» от своего тела – это словно от них отказаться! Или отказаться от мира, который информацией о себе сквозь глаза, уши, пальцы, нос, сквозь сердце мое «я» создал.

Рамка. С детства мы к ней привыкли. С детства.

Смотрели в книжку, в которой страница полями ограничивала картинки, потом в телевизор, потом в монитор, сейчас в айфон. Подозреваю, что многие носят солнцезащитные очки вовсе не по необходимости, а для того, чтоб иметь ограничение своего обзора их модную оправу.

А тут сёрфинг обрушивает каскад информации на отвыкшее от объемов восприятие и давит не только информацией, но вполне ощутимым её проявлением – волной – прикладывает о материнское лоно воды, крепко!

И «я», отделенное рамкой виртуального от реальности, бесплотно блуждающее по социальным сетям, вдруг через подзатыльник осознает, что оно часть зелено-золотого мира. В котором трава пахнет и может порезать кожу до красной крови, больно. В котором соль вод жжет непривычные глаза, а полуденный луч тяжел, как львиная лапа.

Мамы и мир собирали наше «я». По крупичкам. И мы продолжаем это делать! А Лена катается, написала, что поехала во Францию и там, в строгой Атлантике, ей с собой, водой и светом хорошо.

Четвертый сет.

Женя

А я остался на Бали, видимо, для того, чтобы по мере своих сил на эту рамку указывать. А она в разных своих проявлениях приезжала ко мне верхом на человеческом «я». Спускалась с самолета, проходила паспортный контроль. В микроавтобусе ехала в школу и, переполненная жаждой решить все вопросы сразу, кипятила в своих границах несчастное, уставшее от перелета «я».

– Где снять мопед, куда звонить, чтоб снять мопед?! – почти кричал Саша.

– Вот телефон Маде, смотри – на доске с расписанием. Он по мопедам главный, – отвечала администратор Света.

– А местную сим-карту где купить? А этот ваш Маде – когда сможет пригнать мопед, новый, желательно новый? И скажи: сколько ему платить за байк, нужно ли торговаться? И где магазин ближайший с фруктами? И ещё мне надо шорты купить для Жени.

Женя, немного бледная, с легкой голубизной под глазами от ночи в самолете, кивала и отпивала водичку из маленькой пластиковой бутылки.

– Ты писала, что занятие на следующий день после прилета... во сколько завтра? Я хочу, чтобы мы занимались с де-

сяти утра. У нас вторая половина дня под экскурсии, кстати, что тут стоит посмотреть?

Рамка гнала в поток событий, в завтра, в будущее, вперед, вперед, не давала остановиться. Держала «я» в напряжении, в привычном ритме, ориентируя его на «завтра», на какой-то результат, и от этого в «сегодня» образовывалась пустота. Её нужно было чем-то заполнять, заполнять – что-то делать! А как же иначе? Результат – он ведь всё, ради него всё и делается, он наступит, он обязательно завтра наступит!

– Где купить крем от загара?

– Не надо покупать сейчас крем, мы всё дадим, – прикрыв глаза, терпеливо говорила Света.

А вокруг жило солнце. С высоты отвесно бросало лучи в огромный океан, в самую середину кустов и крон, прямо в сегодняшний полдень, не подозревая, что завтра вообще существует.

Но, как бы там ни было, завтра пришло, хотя для вечного солнца оно было таким же «сегодня», каким было и вчера.

У демонстрационной доски, разложив картинки с типами волн, сидел я, рядом со мной лежал утренний луч, за спиной ходил ветер, а передо мной сидел Саша и его уже порозовевшая Женя.

Мы поговорили о волнах, порисовали их моим любимым синим фломастером на белой доске. Повозились на ковриках со «вставанием». Перешли в бассейн. Саша греб непринужденно, а Женя усердно, прогнув, как учили, спину, затяну-

тую в новую умопомрачительно дорогую лайкру. Затем мы отправились к волнам.

С белейших, как пена южного прибоя, Сашиних шортов ему на шлепанцы падали капли.

Их фасон, их кожа, загнутые носки вызывали образ Маленького Мука, ставшего вдруг большим и респектабельным.

В белом он шел вдоль кромки прибоя. Шел не просто как начинающий сёрфер, не просто как сёрфер в новенькой одежде – он шел как сёрфер «в дорогом». Уверенно держащий под мышкой ученическую доску! Затянутая в кокетливые розовые с черным штанишки с эмблемой сёрфшколы, едва заметно приподнимаясь на носочки, за ним шла Женя. А позади я – волок её доску и два лиша.

– Новый, – удовлетворенно отметил Саша, когда я вручил ему один из купленных вчера лишей.

Он пристегнулся, и мы пошли в океан, чтобы отразиться в нем ещё одной своей гранью – гармонией с происходящим.

Саша был мускулист, под лайкрой катались твердые шары его бицепсов, Женя – гибка и подвижна. Но почему-то он падал, а она не могла упереться в доску руками на уровне груди, выставляла ладони вперед, притапливая нос доски, и получала в лицо целую тучу брызг.

Саша сначала был в азарте. Расценивал океан как партнера по какой-то борьбе, потом – как соперника, а когда в очередной раз не догреб и ударил в сердцах воду, я решил вы-

вести его на берег, пока океан не превратился из соперника в противника.

Когда мы выходили, Женя небрежно отбросила доску в воду у самого берега, чтобы ополоснуть лицо, и накатившая волна предательски свалила её с ног, несильно ткнув под коленки ее же доской.

Водичка, когда пьется, покладиста, когда льется из крана или стучит в лобовое стекло удобной машины дождевыми каплями – приручена, когда сверкает росой на стеблях, хотя уже немногие помнят, как это, – красива, а тут такое нахальство с её стороны. А ведь она была куплена, как покупается и в кране, и в бутылке, и даже в росе, – через турагентство. И здесь за неё на ресепшен школы ещё вчера были выплачены твердые купюры. А она, купленная, ведёт себя не так, как «моя» вещь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.